

России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. на сторону российского царя перешёл ряд представителей белорусской аристократии и шляхты. Одному из них, могилёвскому мещанину К. Поклонскому, царь даровал титул полковника и поручил ему создать военный отряд. Поклонский принял решение создать отряд, опираясь на опыт украинских казаков. Так возник Белорусский казачий полк [1, с. 46].

Белорусский казачий полк был самым крупным казацким формированием, действовавшим на белорусских землях. Поклонский смог подчинить себе Могилёв, однако в скором времени он переметнулся на сторону Речи Посполитой [2, с. 551]. Тем не менее, полк продолжил своё существование. Новым полковником стал И. Нечай. Полк вёл успешные военные действия и контролировал значительные территории в центральной и восточной частях современной Беларуси. Однако деятельность полка зачастую принимала стихийный и неподконтрольный характер, что вызывало обеспокоенность Российских властей. Ивана Нечая обвинили в насильном показачивании населения и против Белорусского казацкого полка были направлены регулярные российские войска [3, с. 519]. В ответ И. Нечай поддержал условия Гадячского договора и, как и его предшественник, перешёл на сторону Речи Посполитой. Российские власти не намерены были мириться с подобным положением. Царские войска взяли Старый Быхов, где дислоцировалась большая часть полка. Нечай был пленён и сослан в Сибирь, а полк в ходе осады был практически уничтожен. Фактически после этого Белорусский казачий полк как войсковая единица прекратил своё существование. В дальнейшем царские войска предприняли меры по недопущению распространения казацкого движения на белорусских землях [4, с. 73].

Таким образом, белорусский казачий полк являлся воинским формированием, действовавшим на белорусских землях под эгидой московского государства. Полк принял активное участие в событиях войны России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. Тем не менее, несмотря на значительное ослабление национального и религиозного гнёта белорусского народа, основные надежды широких масс населения не были оправданы. Бесчинства, творимые достаточно разрозненными казацкими отрядами, лишили их народной поддержки и обрекли их деятельность на неизбежное поражение.

Литература

1 Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией для разбора древних актов : в 39 т. – Вильна : «Русский Почин», 1909. – Т. 34 : Акты, относящиеся ко времени войны за Малороссию (1654–1667). – URL: <https://runivers.ru/lib/book3036/9578> (дата обращения: 03.09.2025).

2 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографической комиссией (АЮЗР) : в 15 т. – СПб. : Тип. П. А. Кулиша, 1861. – Т. 14 : Присоединение Белоруссии, 1654–1655. – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3668-t-14-prisoedinenie-belorussii-1654-1655-dopolnenie-k-3-tomu-1889> (дата обращения: 03.09.2025).

3 Грушевский, М. С. История Украины-Руси : в 11 т. / М. С. Грушевский. – Нью-Йорк : «Книгаполка», 1957. – Т. 9 : Хмельниччина роки 1654–1657. – 768 с.

4 Горобець, М. В. Білорусь козацька: Полковник Іван Нечай та українські змагання за Південно-Східну Білорусь (1655–1659) / М. В. Горобець. – Киев : Інститут історії України НАН України, 1998. – 97 с.

А. В. Загоровская

*Науч. рук. А. М. Кротов,
канд. ист. наук, доцент*

К ВОПРОСУ О ПРОПАГАНДЕ ИМПЕРИАЛИЗМА В ТРУДАХ РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА

Редьярд Киплинг традиционно рассматривается в научном сообществе как главный литературный апологет Британской империи, чьи работы через концепцию «бремени белого

человека» легитимировали колониальную экспансию. Однако просто списать его наследие на пропаганду – значит упустить из виду внутренние противоречия, а также критику, направленную как на метрополию, так и на имперскую машину.

Наиболее ярко этот парадокс проявляется в образе рядового солдата – Томми Аткинса. В стихотворениях «Томми» [1] и «Посвящение Томми Аткинсу» [2] можно наблюдать амбивалентность творчества Кипплинга. С одной стороны, он возводит солдата на пьедестал, отдавая дань его стойкости. Но с другой – с беспрецедентной для своего времени остротой обнажает социальное лицемерие метрополии. Автор представляет разрыв между войной, когда общество на словах восхваляет солдата, и его унижительным, маргинальным положением в мирное время. Для империи он – всего лишь расходный материал, достоинство которого признаётся лишь в момент непосредственного участия в военных действиях [3, с. 216]. Эта тема получает развитие и в прозе, в цикле рассказов «Три солдата» [4]. Образы Мельванея, Орзириса и Леройда, при всей их комичности, лишены какого-либо героического лоска. Это живые, тоскующие по дому и бунтующие против армейской системы люди. Кипплинг показывает армию не как обезличенную массу, а как сообщество людей, объединённых общим страданием, а не имперским величием.

Даже в тех произведениях, где, казалось бы, воспевается мощь британской армии, Кипплинг фиксирует её неудачи и уязвимость. В стихотворении «Фуззи-Вуззи» [5] он восхищается доблестью суданских воинов, проявленной в неравном бою с британцами, и добытой ими победой. Такой сюжет ставит под сомнение стереотип, укоренившийся в общественно-политической мысли Британии, о непобедимости и тотальном превосходстве колониальной армии [6, с. 144].

Вершиной антиимперской критики Кипплинга по праву считается рассказ «Человек, который хотел стать королём» [7]. Это произведение – уничижительная пародия на имперский проект. Главные герои, Дрэвот и Карнехан, – это гиперболизированные образы колонизаторов, чьи мотивы лишены какого-либо цивилизаторского пафоса и сводятся к жажде власти, обогащения и величия. Кипплинг показывает, что их власть держится на обмане и технологическом преимуществе. Кульминационный крах их авантюры, наступающий в момент, когда туземцы видят, что их «бог» истекает кровью, как обычный человек, является ключевой метафорой произведения. Это крах самого мифа о расовом превосходстве белого человека, на котором зиждилась имперская идеология [8, с. 85].

Наконец, в стихотворении «Урок» [9] Кипплинг переносит критику на системный уровень. Это стихотворение, написанное после поражений Британии в англо-бурской войне, – подведение печального итога, к которому она пришла. Автор обвиняет метрополию в разложении и слабости, ставшими причиной военных неудач. Он обнажает её уязвимость и зависимость от суровых законов силы, которые она забыла. Финал стихотворения констатирует, что рок Империи – перманентная война, единственной целью которой является подтверждение её права на существование [3, с. 452].

Таким образом, анализ основных произведений Р. Кипплинга позволяет говорить о доминировании в его творчестве антиимперского начала над пропагандистским. Кипплинг, безусловно, является носителем имперского сознания, однако его художественная честность и глубина оказались сильнее идеологических установок. Он создал не лакированную картинку имперского триумфа, а сложную, трагическую и критическую картину колониализма, которая демонстрирует уязвимость и неудачи имперской военной машины, обнажает механизмы колониального владычества. Кипплинг не был сознательным критиком империализма. Но именно эта непреднамеренность, проистекающая из глубокого знания системы изнутри, и делает его антиимперский посыл столь мощным и убедительным.

Литература

1 Кипплинг, Р. Томми / Р. Кипплинг. – URL: <https://rustih.ru/redyard-kipling-tommi> (дата обращения: 31.08.2025).

2 Кипплинг, Р. Посвящение Томми Аткинсу / Р. Кипплинг. – URL: <https://stih.ru/2013/11/08/10862?ysclid=mflj03i7h8490596286> (дата обращения: 31.08.2025).